

Елена Паденова

Часть 3

Не злит ведьму

В гостях у ведьмы

Елена Паленова

Не злите ведьму. Часть 3

«Автор»

2023

Паленова Е.

Не злите ведьму. Часть 3 / Е. Паленова — «Автор», 2023 — (В гостях у ведьмы)

Спокойной жизни у ведьм не бывает - то призраки прошлого не дают покоя, то в настоящем нужно разгребать какие-то реальные и магические проблемы, то личная жизнь неожиданно делает такие кульбиты, от которых у кого угодно ум за разум зайдёт. Волшебная история об Эле Климовой и её лесных друзьях продолжается, но и третья книга - это тоже ещё не конец. (Иллюстрация для обложки создана с помощью нейросети Midjourney. Дизайн - COVEN ART)

© Паленова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 51. Спонтанные решения	5
Глава 52. Из огня да в полымя	10
Глава 53. Вдребезги	15
Глава 54. Ветер перемен	20
Глава 55. Во имя справедливости	26
Глава 56. Всё будет хорошо	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Паленова

Не злите ведьму. Часть 3

Глава 51. Спонтанные решения

Уют и комфортабельность городской квартиры, в которой есть всё, что нужно современному человеку для жизни – это, несомненно, супер, но я от подобных условий отвыкла. Забавно, да? Всю жизнь прожила в таких вот железобетонных коробках, деревни считала атавизмом, лес не любила, а тут вдруг перевоспиталась меньше чем за месяц. Наверное, у меня всё-таки крестьянские корни, раз так к земле тянет. И не только к земле – отсутствие магических сил я тоже начала воспринимать как нехватку чего-то очень важного.

– Ну гори уже, зараза парафиновая! – уже в который раз приказала я непокорной свечке.

– Не получается? – сочувственно поинтересовался Власов, который только что приехал с продуктами и новостями о Мироне.

– Не-а, – скривилась я, отодвинув свечу. – Два плюс четыре... Шесть дней уже прошло после ритуала, а оно всё никак. Видимо, на восстановление больше времени нужно. Или в лесу надо было оставаться, чтобы быстрее всё шло. Или у меня, как обычно, всё наперекосяк. А мы точно не можем в Лесное хотя бы на денёк съездить?

– Боюсь, сейчас это невозможно. Вы новости вообще никогда не смотрите?

Весёлые искорки в глазах Анатолия Павловича угасли, взгляд стал сочувствующим, а у меня по коже от всего этого поползли мурашки.

– Что-то случилось? – нахмурилась я.

– Вас обвиняют в покушении на убийство Мирона.

У меня отвисла челюсть, дар речи отнялся на целую минуту, а потом в груди начала нарастать волна возмущения. Меня обвиняют в покушении на Мирона? Меня?!

– Это вы сейчас так пошутили, да? – нервно уточнила я сразу же, как только вновь обрела способность говорить.

– Увы, нет, – поморщился Власов, выкладывая содержимое пакетов на стол. – Откройте сайт местных новостей, там есть статья с роликом.

Все эти дни я развлекалась тем, что смотрела «Битву экстрасенсов» и искала интересную, правдоподобную информацию о необычных местах и явлениях – теперь это моя тема, надо вникать. Магии нет, но знания-то остались, поэтому многое воспринималось иначе. Новости, конечно же, мне как были неинтересны раньше, так ничего и не поменялось.

Старенький ноутбук натужно загудел, намекая на то, что компьютерное железо не вечно. На экране появилось окошко с сообщением о необходимости обновления программного обеспечения. Общими усилиями мы с устаревшим браузером нашли нужный сайт. Упомянутая Власовым статья гласила:

«Уголовное дело о покушении на известного бизнесмена Мирона Карпунина приняло неожиданный поворот. Брат и невеста пострадавшего обвиняют в случившемся личного помощника Мирона Олеговича и некую Марфу Оленеву. Подробности в видео».

Всего два предложения – не статья, а замануха. Я ткнула курсором в окошко с роликом и ошеломлённо застыла, не веря своим ушам. Алиса дала журналистам интервью, в котором вдохновенно врала о том, что я втёрлась в доверие к Мирону под маской защитницы природы, а потом занялась вымогательством. Это я отравила Карпунина и двух его подчинённых. Я втянула в свои грязные замыслы Власова, шантажируя его тем, что отравленные не получают противоядие, пока мне на какой-то банковский счёт не поступит сумма в десять миллионов рублей. От моих корыстных намерений пострадали племянник Власова и брат Артура Карпу-

нина – я шантажом и угрозами добивалась желаемого от этих двоих, обеспокоенных судьбой родственников. Власов мне не поделщик, он тоже жертва, но участие в преступлении принимал, поэтому должен быть наказан по всей строгости закона. Алису я тоже шантажировала, потому что она невеста Мирона, а помогал мне реализовывать преступные планы мой бывший муж Демид Оленев, труп которого вчера вечером выловили из реки в пятнадцати километрах от урочища Лесное. Если бы отважная Алиса Игоревна не убедила Власова в необходимости вызвать полицию, все мои жертвы уже были бы мертвы, как Демид, которого, конечно же, утопила я.

– Не плачьте, – Власов присел передо мной на корточки и осторожно стёр ладонями стекающие по моим щекам слезинки. – Адвокаты Мирона уже занимаются опровержением. Он тоже дал показания, хотя мало что помнит. Меня допрашивали, но даже подписку о невыезде не взяли, потому что весь этот бред притянут за уши. Нужно просто переждать бурю.

– А что вы сказали в полиции? – сквозь слёзы спросила я и шмыгнула носом.

– Я сказал, что Мирон Олегович заинтересовался вами, а Алиса Игоревна на почве ревности устроила весь этот цирк с обвинениями и втянула в это Артура. А вас ревновал к Мирону бывший муж, который, скорее всего, и организовал покушение.

– Я устала от всего этого, – всхлипнула я и уронила голову на руки. – Господи, когда же это закончится?

– Эля, послушайте...

– Не надо меня успокаивать, Анатолий Павлович. Я представляю, как это всё выглядит со стороны. Я была последней, кто видел Мирона. Я сообщила вам и Артуру о похищении. Я же потом нашла его в сторожке и запретила вызывать «скорую». Демиду никто не видел, он в интересах Артура всегда действовал. На их стороне деньги и связи, я против них ничего не смогу.

– На вашей стороне пострадавшие, поэтому ситуация сложная, но всё наладится. Верьте мне, хорошо? Мирон не хочет подставлять брата, но если давление на вас продолжится, мы пустим в ход компромат.

Алиса и Артур обвиняют меня, Мирон обвинит Артура... Сколько это будет продолжаться? Ужасно. Просто ужасно. Я плакала не от жалости к себе, а из-за несправедливости. Хотела как лучше, а получилось как всегда. Ещё и виновата во всех грехах оказалась.

Квартира, где Власов прятал меня от жестокого мира, была оформлена не на Мирона, а на какую-то его знакомую из заповедника, поэтому мне без лишних вопросов и препятствий оформили постоянную регистрацию в первый же день. Связи Мирона помогли оперативно решить вопрос со сменой имени и фамилии, и теперь оставалось только дожидаться получения нового паспорта. Потом нужно подать новые сведения в налоговую, изменить данные в пенсионном фонде, поменять водительское удостоверение... Хорошо Белене – ей вообще никакие документы не нужны, а у меня их куча. На всё это нужны время и свобода, а я вынуждена прятаться, потому что невесте Мирона шлея под хвост попала. А самое неприятное заключается в том, что моё желание изменить паспортные данные весьма некстати совпало с обвинениями в тяжких преступлениях. Ну почему у меня не может быть нормальной, спокойной жизни? Почему?

– Элеонора Алексеевна... Эля...

Власов мягко отстранил мои руки, взял моё лицо в свои тёплые ладони и принял губами к моим губам. Это было неправильно, но я не сопротивлялась, потому что в тот момент испытывала острую потребность в защите, а его нежный поцелуй обещал гораздо больше, чем просто заботу о моём благополучии. Этот человек всегда всё делает правильно. Да, он старше меня лет на двадцать, но при этом сильный, мудрый и уверенный в себе – в нём есть всё, чего мне недостаёт. Меня нужно было отвлечь, и лучший способ, чем неожиданная смена одних эмоций на другие, вряд ли можно было придумать.

«Я не нужна Мирону, он всё равно скоро женится на этой истеричной дуре», – думала я, когда Власов, не прерывая поцелуй, поднял меня на руки и понёс в спальню. Одного моего слова было достаточно, чтобы остановить это, но я ничего не сказала. Я и он. В квартире Мирона. На тех самых подушках, которым я жаловалась по ночам на безответную любовь. Можно было ответить отказом на вопросительный взгляд, но я просто закрыла глаза и позволила себе хотя бы ненадолго снова стать желанной женщиной. Если бы Власов сказал хоть что-нибудь, его голос вернул бы меня в реальность, поэтому я была благодарна ему за молчание. Мне нужны были ласка, нежность и бесценное чувство защищённости. Даже не так. Я просто хотела быть кому-то нужной.

Часом позже, стоя в душевой кабинке под струями прохладной воды, я прислушивалась к своим ощущениям и с удовлетворением осознала, что ни о чём не сожалею. Однажды кто-то сказал мне, что взаимная любовь хороша, пока не начинается семейный быт. Совместная жизнь очень быстро превращает сказку в рутину, и на место любви приходит разочарование. «Замуж надо выходить за любящего, а не за любимого», – кажется, фраза звучала именно так. Замуж я, конечно, за Власова не собиралась, но рядом с ним мне было легко и спокойно, чего не скажешь о Карпунине.

«Прости», – шепнул он мне после того, как всё случилось.

За что мне его прощать? Он не женат, я тоже одинока. Да и не значило это всё ровным счётом ничего – просто вспышка, после которой у меня на душе стало так тепло, как не было уже очень давно. А что самое важное, все текущие проблемы перестали казаться катастрофой.

Увы, хорошо тогда было только мне одной. Пока я принимала душ, Власов успел одеться, а выражение его лица и взгляд снова стали холодными и предельно серьёзными.

– Простите, Элеонора Алексеевна, это больше не повторится. Я не должен был пользоваться вашим разбитым состоянием, но...

– Серьёзно? – недоверчиво нахмурилась я, придерживая на груди полотенце. – Вы правда жалеете об этом?

Он в два широких шага преодолел разделявшее нас расстояние, прижал меня к стене и окатил таким страстным взглядом, что мои ноги предательски начали дрожать.

– Не жалею. Скажу даже больше. Будь моя воля, я сейчас усадил бы тебя в машину и увёз туда, где нас никто никогда не нашёл бы. Домового тебе привёз бы, кикимору... Да хоть всю нечисть, лишь бы больше никогда не видеть твоих слёз. Ты не заслуживаешь того, что с тобой происходит. А Мирон не заслуживает тебя, но я между вами не встану.

– При чём здесь Карпунин? – не поняла я. – У него вообще-то невеста есть. И речь даже не об этом. Я на отношения с вами не рассчитываю, мне просто непонятно, почему вы так странно себя ведёте, если мы оба добровольно участвовали в том, что сейчас было. Если вам неловко, то давайте будем считать это просто дружеским сексом, я не против. Винить только себя перестаньте, а то мне уже опять не по себе.

Ой, дура... Нашла, перед кем разглагольствовать о дружеском интиме. Следовало догадаться, что моральные принципы этого человека куда выше моих собственных. Он ушёл – молча, тихо прикрыв за собой входную дверь. Какой в этом всё-таки был смысл, если после его ухода реальность обрушилась на меня с новой силой во всей своей неприглядности? Что я натворила? Ведь знала же, что близость часто рушит более ценные отношения – с Костилом почти точно так же всё произошло, только он жениться хотел, а я отказала. Но я не ожидала подобного от Власова. Он другой. И он первым это начал, а теперь всё получалось так, будто снова виновата я.

Я вернулась в спальню, рухнула на кровать, раскинула в стороны руки и лежала так до тех пор, пока не обдумала ситуацию со всех сторон. Сбежать? Но куда? И как? Паспорта нет, у подъезда дежурит охрана, полиция подозревает меня в покушении на Карпунина – всё стало ещё хуже, чем было неделю назад. Тогда у меня был только один враг – Назар. Демид не в

счёт, он просто придурок. Сейчас у меня врагов много, и они куда коварнее и могущественнее прежних, а я единственного друга только что потеряла. Выход один – ждать. Чего именно? Не знаю. Либо ко мне вернутся колдовские силы, и тогда я сама смогу о себе позаботиться, либо меня упекут за решётку по нелепым обвинениям – в этом случае Власов и Карпунин сами будут всё разруливать без моего участия. Мне велено сидеть тихо и не высовываться – это я могу. Но как же достали все эти приключения!

Телефон громко звякнул, оповестив меня о входящем сообщении от Власова. «Вы обещали не делать глупостей», – прочитала я короткий текст на экранчике, улыбнулась и уже начала набирать ответ, но в это время от Анатолия Павловича прилетела ещё одна фраза: «А я таких обещаний не давал». Пока я пыталась сообразить, что это значит, мудрый и ответственный человек действительно сделал глупость – он привёл в моё убежище следователя, который вёл дело о покушении на Мирона.

* * *

– Ну что ж, если это всё, то давайте подытожим, – предложил следователь, промокнув носовым платочком вспотевшую лысину.

Я растерялась, когда Власов вернулся в компании стареющего представителя Закона. Времени на сочинение красивой легенды мне никто не дал, поэтому врать пришлось на основании показаний Анатолия Павловича. Я обвинила во всём Демида – он всё равно умер, а с мертвецов спроса нет.

Мы с Оленевым развелись два года назад по причине супружеской измены с его стороны. Я переехала жить в Вырвинск, обратный адрес и контакты для связи бывшему мужу не оставила. С Мироном Карпуниным познакомилась случайно, когда ездила в командировку в Лесное. Между Мироном и его братом Артуром сложные отношения, что ни для кого не является секретом, и я по природной глупости и доверчивости оказалась втянута в их распри из-за земли, когда-то принадлежавшей предкам Карпуниных Мухиным. Официально числюсь сотрудником Кировского филиала фирмы Мирона, но не работаю там, потому что филиал прикрыли из-за мошеннических действий Попкова, который вредил владельцу компании с подачи его старшего брата. В качестве доказательств противозаконной деятельности Артура Карпунина у Власова есть компромат, собранный Попковым. Я не знаю, почему Мирон не хочет использовать этот компромат – возможно, он всё-таки любит своего брата, хотя пакостить друг другу они горазды оба. Артур – мелкая сошка, но противная. Понятия не имею, как он вышел на моего бывшего мужа, но если я поддерживала младшего брата, то Демида встал на сторону старшего.

Я полностью исключила из этой истории Назара, переложив вину на Демида. Это он похитил Мирона, Сергея и Виталика. Демида всегда был самовлюблённым эгоистом и психом, поэтому мог действовать не по приказу Артура, а по собственной инициативе. Он считал меня своей собственностью и шантажировал тем, что убьёт моих друзей, если я к нему не вернусь. Это он поджёг лес, чтобы стариков вывезли из деревни, и мы остались там одни. А когда я ему отказала, он сообщил, что накормил бледными поганками всех, кого похитил, и их смерть будет на моей совести. Даже место назвал, где они спрятаны, а потом исчез.

На вопрос следователя о том, почему я не вызвала пострадавшим врачей, мне тоже пришлось соврать. Я хорошо знаю травы, поэтому сочла, что народная медицина окажется эффективнее традиционной. Это преступная самонадеянность, да, и мои действия могли привести к плачевным последствиям, но травки-то в итоге сработали.

Власов ни в чём не виноват. У него распоряжение Мирона во всём меня слушаться, поэтому вся ответственность лежит на мне. А Демида с горя, наверное, утопил – он же художник, а у творческих людей душа ранимая. Потом Власов всё же усомнился в правильности моих действий и вызвал пострадавшим «скорую» – я в это время бродила по лесу в поисках нужных

трав, поэтому ничего не знала. Вернулась в деревню, а там нет никого. Анатолий Павлович только через три дня приехал, когда Мирон в больнице в себя пришёл. Новости я не смотрю, поэтому не знала, что меня в чём-то обвиняют, пока Власов пару часов назад мне об этом не сказал. И про то, что Демид погиб, я тоже только что узнала. А паспортные данные уже давно сменить хотела, чтобы навсегда вычеркнуть бывшего мужа из своей жизни. Все обвинения в свой адрес я отрицаю, сотрудничать с правоохранительными органами готова.

– Санта-Барбара какая-то... – шумно выдохнул следователь, закончив перечитывать мои показания. – Ладно, разберёмся. Обвинения против вас выдвинуты третьими лицами, пострадавшие вашу вину тоже отрицают, но пока идёт следствие, посидите под подпиской о невыезде. А компроматы ваши я к делу приобщать не буду, потому что это не моя подведомственность. Этим пусть ОБЭП и отдел по борьбе с коррупцией занимаются.

Вот так. Всё просто, и прятаться мне больше не нужно. И даже ругать Власова не за что – он и в этот раз поступил правильно, хотя Мирон и велел ему держать меня подальше от проблем, от Артура и от полиции.

– Инициатива наказуема, – напомнила я после того, как за следователем закрылась входная дверь.

– Зато вы опять улыбаетесь, – заметил он с грустной усмешкой. – Если я попрошу забыть о том, что между нами произошло, вы сможете это сделать?

– Уже забыла, – соврала я, прекрасно понимая, что возникшая между нами неловкость останется навсегда.

Ну или можно попросить Фросю, чтобы она немного покопалась там, где у Власова хранится ценная информация, и убрала всё, о чём он вздумал сожалеть.

Глава 52. Из огня да в полымя

Подписка о невыезде подразумевает необходимость оставаться по месту регистрации, поэтому на поездку в Лесное пришлось просить разрешения у следователя. Но у меня была объективная причина – там живёт столетняя старушка, у которой сын в областной больнице лежит. Бабулечка от волнения и помереть ведь может, а у меня для неё видеосообщение есть, которое нужно срочно передать.

– Вы оба собираетесь ехать? – раздражённо уточнил следователь, поскольку Власов тоже временно был невыездным.

– Ага, – кивнула я. – Анатолий Павлович кто-то вроде личного телохранителя. Он меня от невесты Мирона Карпунина защищает, она же неадекватная.

– А в вашей компании вообще хоть один адекватный человек есть? – последовал логичный вопрос, после чего нам разрешили поездку с условием вернуться в тот же день.

– Я же говорила, что он согласится. Нормальный же дядька, – с довольной улыбкой обратилась я к Власову, когда мы уже выезжали за город в его автомобиле.

– Угу, – отозвался Анатолий Павлович и бросил короткий взгляд на зеркало заднего вида. – Хороший дядька. И ребята, которых он нам на хвост посадил, тоже хорошие.

– Где? – удивилась я и начала крутить головой в поисках упомянутого хвоста.

– Серая десятка за нами от самого дома едет, – уточнил Власов. – Надеюсь, вашему лешему не придёт в деревянную голову отправить их в гости к водяному?

– Но они же ничего плохого не делают, просто нас сопровождают, – беззаботно пожалала я плечами.

Два дня прошло, и Власов всё это время вёл себя так, будто и правда обо всём забыл, а я чувствовала себя распутницей, соблазнившей девственника. Не знаю, почему так, но неловкость испытывала только я. Глупо и неприятно – ну переспали мы, и что?

– Эля, можно задать вам один вопрос? – отвлёк меня от очередных копаний в себе его голос.

– Да хоть сто, – разрешила я.

– У вас свежий рубец на левом боку. По виду рана была получена около месяца назад и уже затянулась, но она точно была не поверхностной, её нанесли ножом снизу вверх, а потом ещё и провернули лезвие. Анатомию вы не хуже меня знаете, поэтому я не буду перечислять органы, которые могли пострадать при подобном ударе, но это точно вызвало бы массивное кровотечение, в том числе и внутреннее, а операцию вам не делали.

– Ого! – восхитилась я. – Вы что, на патологоанатома учились?

– В юности у меня был друг, который умер от такого ранения раньше, чем приехала «скорая», – не принял он мою шутку.

– У вашего друга под рукой не было древней ведьмы-утопленницы, – поморщилась я. – Не думала, что этот шрам может вызвать вопросы. Рубец и рубец. Зажило уже, чего волноваться-то?

– Но это ведь не месяц назад случилось, а всего неделю. Или я не прав?

Вот ведь... Я, например, его не разглядывала, когда мы в спальне Мирона занимались тем, о чём нужно забыть. Нельзя же быть таким дотошным.

– После того, как я закончила ритуал на кладбище, Демид ударил меня ножом и бросил в канаву, – пришлось мне расщедриться на объяснения, поскольку недосказанность могла стать причиной для очередной неловкости. – Водяной меня из воды вытащил, а Белена исцелила.

– А мне вы об этом не сказали, потому что не сочли нужным, – подытожил Власов.

– Но всё нормально же. Оно только в первый день немного беспокоило, а теперь совсем не болит. Да и какая разница? Я ведь жива. Жалею только, что при первой встрече, когда Демид

в меня деревянными пулями стрелял, я ему ноги и руки сломала, а не шею. Вряд ли Назар смог бы ему башку потом на место прикрутить.

Анатолий Павлович только вздохнул в ответ. Не знаю, с какой целью он интересовался моими шрамами – из любопытства, наверное. Белена обещала, что когда магия ко мне вернётся, собственный целительный ресурс даже шрам уберёт, как уже случилось с дыркой от деревянной пули в плече. Вопрос только в том, вернётся ли эта сила вообще, если её до сих пор нет.

Дальше до самого Лесного мы ехали в молчании и слушали шансон, хотя я предпочла бы что-нибудь повеселее. Власов время от времени смотрел через зеркало заднего вида на следовавшую за нами машину, коротко усмехался, качал головой, а потом снова становился серьёзным. А в оставленном на попечение Нефёда и Фроси доме нас ждал сюрприз.

– А вот и да!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот шиш тебе! Даже спорить не буду, потому что я прав!

– Пфр-р-р...

Последний звук издал конь, топтавшийся по дощатому полу в «гостиной».

– Марфа! – обрадовался Нефёд моему появлению и сам полез с обнимашками, что было ему несвойственно.

– Эля, – напомнила я.

– Да какая разница? Скажи этой кикиморе, чтобы она коня увела, а? Я ей говорю, что тута не конюшня, а она твердит, что ты разрешишь ему остаться.

– Тута не конюшня, – строго сообщила я Фросе. – Зачем вы вообще эту зверюгу сюда привели? Семёныч же ругаться сейчас прибежит.

– Он в лес по грибы пошёл, а коня с собой не взял, – пожаловалась мне кикимора.

– Вы меня с ума сведёте, – вздохнула я и строгим взглядом намекнула Фросе, что её непарнокопытному другу пора восвояси. – А Никадим где?

– Так он в малинике крапиву продирает, чтобы ты свои нежные ручки и ножки не обстрекала, – улыбнулся во весь свой широченный рот домовой.

– В малинике? А это где? – нахмурилась я, пытаясь припомнить, растёт ли вокруг дома малина.

– Ну так это... – растерялся Нефёд. – Везде. Деревня-то большая.

– То есть он не здесь, а где-то на чужих участках хозяйничает? – уточнила я.

– Ну так лес-то весь твой, – не понял домовой, что именно меня смутило. – Деревня, значит, тоже твоя. И малина. И крапива. Я сказал ему, что ты крапиву не любишь, вот он и старается. А что? Не надо?

Когда мы въехали в деревню, наши преследователи остановили своё авто в самом начале улицы, а там лужок, поэтому вероятность их знакомства с дворовым была минимальной. Никадим выглядит не то чтобы жутко, но для человека несведущего странновато. Я, например, чуть в штаны не наложила, когда впервые его увидела.

– Проблемы? – хмуро поинтересовался Власов за моей спиной.

– Нет, если не считать коня в доме и чересчур усердного дворового, – пожала я плечами и обречённо закатила глаза. – Боги, за что мне это всё?

Пришлось посторониться, чтобы Фрося могла вывести лошадку на улицу. Знакомство с кикиморой сотрудникам полиции тоже вряд ли пришлось бы по душе, поэтому я на всякий случай попросила её на глаза никому не показываться. Нежить у меня умная и послушная,

они и так знают, что никто не должен их видеть, но иногда всё-таки лучше перебдить, чем недобдить.

– Найди Никадима, пусть сюда возвращается, – послала я ещё одно распоряжение кики-море вдогонку и обратила свой взор на домового. – А ты Белену позови. Мы ненадолго приехали, нам сегодня вернуться надо.

Нефёд умчался выполнять поручение, а мы с Власовым пошли проводить Клавдию Ильиничну. За прошедшую неделю она постарела и осунулась так, что выглядела уже не на семьдесят лет, а на свой реальный возраст. И чувствовала себя соответственно – передвигалась с трудом, подслеповато шурилась и внимательно прислушивалась к каждому слову, потому что стала плохо слышать. Расплакалась, когда я ей на полной громкости в телефоне запись с Борисом включила. Память у неё, кстати, тоже заметно ухудшилась – старушка за двадцать минут раз пять у нас переспросила, кто мы такие.

– Ничего себе... – ошарашенно высказался Власов, когда мы вышли из дома Никулиных на улицу. – Это она так сдала из-за того, что целебную воду не пьёт?

– Назар каждый день ей по несколько капель в еду добавлял, а когда уезжал, пузырёк оставлял маленький, – пояснила я. – Боюсь, как бы она не померла такими темпами раньше, чем Бориса выпишут.

– Не помрёт, – слышался с дороги голос Белены. – Я за ней приглядываю. Это она пока свой возраст только нагоняет, а настоящая старость позже придёт. Помается с полгодика ещё, а то и до следующего лета дотянет. Нефёд сказал, что вы ненадолго приехали. Что так? Случилось чего?

– Да нормально всё, просто с документами волокиты много, – соврала я.

– Ага, – сделала ведьма вид, что поверила, и кивнула в ту сторону, где в засаде сидел наш «хвост». – А это кто?

– Охрана, – выдала я очередную ложь.

– А я королева заморская, – скривилась Белена. – Ладно, будем считать, что я поверила. Чаю-то хоть попьём, или вы прямо сейчас уезжаете?

Власов негромко кашлянул, привлекая к себе внимание, и уточнил:

– Простите, а вас сейчас все видят или только мы?

В этот раз на хозяйке подземного озера был просторный сарафан цвета морской волны, надетый поверх белоснежной рубашки с длинными широкими рукавами. На шикарную причёску она тоже не заморочилась – просто заплела свои белые волосы в толстую косу. Вроде бы и ничего сверхъестественного, но никто из деревенских её вроде как видеть не должен, а если увидят менты, вопросов потом не оберёшься.

– Да не видит меня ваша охрана, чего испугались-то? – улыбнулась ведьма одними только губами, переводя настороженный взгляд с меня на Власова и обратно. – Вы идите в дом, идите, а я за вами сразу подойду. У меня к лешему дело есть важное.

«Чего она так на нас смотрела?» – озадачилась я, сделала несколько шагов по дороге и разулась – так ногам легче. Ступни сразу же почувствовали тепло, будто я не по утрамбованному песку шла, а по мягкому ковру. «Подпрыгни!» – велела я валяющейся на дороге сосновой шишке в надежде, что тепло означает возвращение магии, но шишка не сдвинулась с места. Пришлось смириться с тем, что нужно расспрашивать о причинах Белену – почти неделя прошла ведь уже, но ничего не меняется.

Не знаю, как, но ведьма нас опередила – когда мы вошли в дом, она уже суежилась у стола, ногой прижав к полу Нефёда, который пытался дотянуться до корзинки-самобранки.

– Нефёд, перестань, – улыбнулась я. – Можно подумать, тебя всю неделю не кормили.

– Он у кота еду воровал, – пожаловалась Белена. – Первый раз такого прожорливого домового вижу. Раньше здесь их больше было, но все рыжие и не такие наглые.

– А куда они все делись? – спросила я и плюхнулась на диван, обивку которого подлатала Фрося, а размазанные по ткани пятна моей крови вычистил Нефёд.

– Одичали и в моховиков переродились, – отозвалась ведьма. – У домашнего духа судьба особенная, он без человека долго жить не может. Сначала тоскует, потом дичает. Ежели позвать, то за тобой на край света пойдёт, да только никто их отсюда не звал никуда. Все перевелись, этот только остался. Один вроде, а жрёт за дюжину.

– Ну дай ты ему пирог, пусть успокоится, – пожалела я своего любимца.

Нефёд заполучил вожделенное лакомство и спрятался под стол, а мы наконец-то сели пить чай. Белена рассказала о том, что дух Назара беспокойным стал в тот же день, когда я покинула деревню. На нежити это никак не сказывается, а вот собака в лагере с тех пор каждую ночь воет, не замолкая. Пришлось признаться, что я сорокоуст за упокой заказала – упокоиться-то воплощённый в дереве дух не может, вот и мается. Наверное. Ведьма на это предположение ответила, что ему молитвы, как мёртвому припарка – только время зря тратить. Вырваться он хочет, потому и буянит. В остальном ничего нового и интересного в Лесном не случилось. Приезжали какие-то люди, о чём-то со стариками разговаривали, про меня спрашивали и про Мирона. Ну это логично – следствие же идёт. Потом мы с Власовым рассказали ведьме о том, как чувствуют себя спасённые мной друзья. Точнее, рассказывал Власов, а я с интересом слушала, потому что мне он информацию о Мироне выдавал скупно. Оказывается, через пару дней Карпунина и Виталика выпишут – я этого не знала. А Сергей останется в больнице ещё на неделю, потому что кардиолог отпускать его не хочет – пациент на учёте стоит, регулярно обследоваться должен, а его в поликлинике в последний раз видели лет пять назад.

Потратив на чаепитие и разговоры целый час и накормив Нефёда до отвала, мы засобирались в обратный путь, но Белена попросила «добра молодца» присмотреть за домовым, чтобы он не спёр корзинку, а меня вывела на улицу на «бабский разговор».

– Это нынче у молодух так принято, чтоб по одному сохнуть, а к другому в постель лезть?

– А у меня на лбу что ли написано, что я к кому-то в постель лезла? – обалдела я от такого напора.

– Да не на лбу, милая моя, – сердито отозвалась ведьма, подняла с крыльца пучок каких-то трав и сунула их мне в руки. – Вот это вот всё тремя кружками кипятка залей, ночь пусть настоится, потом процеди и по три больших глотка на ночь пей, пока крови регулярные не начнутся.

– Зачем? – не поняла я, перебирая травы.

– Затем, что дурёха ты бестолковая. До первого новолуния подождать не могла?

– Чего подождать? – окончательно растерялась я.

Белена посмотрела на меня, как на умалишённую.

– Ты про обряд кладбищенский откуда узнала?

– Из памяти земли. Когда в деревне мёртвая вода пробилась, там колодец был, и люди потравились, а Марфа их так спасала. Отвар делала и обряд этот. Только тогда людей много болело, поэтому она несколько ночей на кладбище ходила. По три имени каждую ночь. Я вроде бы всё точно так же сделала, а что?

Ведьма тяжело вздохнула и обречённо покачала головой.

– Ой, беда-а-а... И откуда ты только такая на меня свалилась?

– Да что случилось-то? – начала я злиться.

– Дитё у тебя будет, вот что случилось. А тебе нельзя этого сейчас, потому как после обряда новолуния дожидаться надо было, чтоб кровь от колдовства полностью очистилась. Если сделаешь всё, как я сказала, оно скоро само выйдет, без неприятностей, а если и дальше дурью будешь маяться, сгоришь, как лучинка. Это не шутки, милая моя.

Ребёнок. У меня. От Власова.

– Нет, – отчаянно замотала я головой. – Это невозможно, я всё посчитала.

– И колдовство кладбищенское, и магию мою лечебную, и воду целебную, и три души, у смерти отнятые... Это всё ты тоже посчитала? – скептически скривилась Белена.

Нет, это я не посчитала. Откуда мне было знать, что все эти факторы могут как-то повлиять на естественные процессы в моём организме? Я ведь ведьмой совсем недавно стала, и учить меня некому было.

– Нет, – снова качнула я головой, но уже не так уверенно. – Не может этого быть. Ты ошиблась.

– Я? – изумлённо вскинула свои белые брови ведьма. – Ты забыла что ли, зачем ко мне на дно трясины пришлых невест приводили? Да мне одного взгляда на тебя хватило, чтобы всё понять. Два-три дня назад это было, да? Я ведь права?

Я привалилась спиной к двери и медленно сползла вниз, наотрез отказываясь верить в происходящее. Для полного счастья мне только беременности от Власова и не хватало.

– Вот вернётся твоя сила, тогда сама всё почувствуешь, – окончательно добила меня Белена. – А если не веришь мне, домового с собой возьми и попроси его вещий сон тебе показать. И не говори потом, что я не предупреждала и ничего не сделала, чтобы помочь. Послушай моего совета и сделай всё сейчас, пока сердцем к этому дитю прикипеть не успела. Оно всё равно жить не будет, а если затянешь, то и сама вслед за ним уйдёшь. Для того разве я тебя спасала?

Глава 53. Вдребезги

Нефёда я позвала с собой, и он охотно согласился, потому что строгая к нежити Белена держала его на жёсткой диете. Я погрузилась в глубокие раздумья сразу же, как только заняла своё место на пассажирском сиденье, Власов сосредоточил всё внимание на дороге, а домовый свернулся клубком на моих коленях и громко фырчал во сне на манер сытой кошки. Весь путь до областного центра мы дружно молчали. В городе сделали остановку возле супермаркета, чтобы купить продукты, и Власов по собственной инициативе положил в тележку два ведёрка мороженого, штук десять разных шоколадок и свежий бисквитный рулет с клубничной начинкой – ну да, у меня же стресс, всё правильно.

– Эля, в чём дело? – резко поинтересовался он только тогда, когда мы поднялись в квартиру Мирона. – На вас лица нет после этого «бабского разговора» с ведьмой. Что она сказала?

Я посмотрела на него пустым взглядом, отпустила любопытного Нефёда на пол и вытащила из кухонного шкафчика кастрюльку, чтобы сделать настой.

– Ритуал на кладбище был сложным, а я неуч, поэтому восстанавливаться буду долго, – соврала вяло. – Травки вот попить надо, чтобы быстрее всё... восстановилось.

Он забрал кастрюлю, повернул меня лицом к себе, пальцами поднял мой подбородок вверх и через глаза заглянул в самую душу.

– Если будешь мне врать, я ничем помочь не смогу.

– Если скажу правду, тоже не поможете, Анатолий Павлович, – с горькой усмешкой отвела я его руку. – У колдовства появились последствия, и мне нужно от них избавиться. Такое объяснение устроит?

– Я останусь на ночь здесь.

– Нет.

– Эля...

– Какая из букв в слове «нет» вам незнакома? – сухо осведомилась я. – Я сейчас просто сделаю настой и лягу спать. Я устала. Я хочу побыть одна. Уйдите, пожалуйста.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, вздохнул и правда ушёл. Даже пакеты с покупками не разобрал, хотя всегда делал это сам. Это я виновата. Ничего ведь сверхъестественного между нами не случилось, а я в последние дни только и думала о том, что это «ничего» может стать причиной ссоры между Карпуниным и Власовым. Начались сожаления, а от них настроение отнюдь не улучшается. Но как можно вести себя так, будто ничего не было, если оно было? И эта ещё его фраза: «Я между вами не встану»...

Я опять запуталась, но в этот раз не в сказочных перипетиях, а в самой себе. Карпунин мне никто, и меня не должно волновать его мнение о моей личной жизни, но оно волновало. А вдруг он узнает, что мы с Власовым... Кем я тогда стану в его глазах? Мои односторонние чувства не являются обязательством пожизненно хранить ему верность, я живой человек. Каким отношениям Власов не хочет мешать, если нет никаких? Мирон женится в августе, у него свои планы на жизнь. Почему я вообще на этом всём заиклилась, если у меня других проблем по горло?

– Буду жить здесь, – вынес вердикт Нефёд, вытащив из-под мойки в кухне мусорное ведро. – Дверь даже есть, удобненько.

Я не заметила, когда он успел спереть из пакета несколько шоколадок – увидела только обёртки в мохнатых лапках, а потом домовый закрылся под мойкой и начал шуршать там фольгой, уплетая лакомство вместе с упаковкой. Попросить у него вещий сон я так и не решилась – и без того тяжко. Вскипятила воду, залила травы, накрыла кастрюльку крышкой и оставила настой на плите остывать, а потом завалилась на постель прямо в одежде и сразу же крепко заснула.

Проснулась только утром – от шума льющейся где-то воды. Нефёд сидел на постели рядом со мной в облике трёхцветной кошки и злобно поглядывал на закрытую дверь. «Это не Власов», – сразу же я поняла по поведению домового. Жаль, что он не умеет разговаривать, когда превращается в кошку, а то обязательно спросила бы, кто там пришёл. Пришлось выяснять самой.

В кухне хозяйничала женщина пенсионного возраста – низенькая, пухленькая, и круглолицая. Первое, что мне бросилось в глаза – это яркое розовое облачко редких кудрявых волос на её голове. Я бы ещё поняла гранатовый оттенок или баклажан, но розовый...

– Доброе утро, – поздоровалась с ней хозяйским тоном, привлекая к себе внимание.

– Ой, здравствуйте! – широко улыбнулась она мне и перевернула на сушилке вверх дном чисто вымытую кастрюльку, в которой я вечером запаривала травы. – Я вас разбудила, да? Извините. Я Валентина, приходящая домработница. Раз в неделю здесь бываю. Пыль убрать, комнаты проветрить...

– Приятно познакомиться, – скривилась я, с тоской глядя на кастрюлю.

Домработница проследила за моим взглядом и растерянно моргнула.

– Оно воняло кислым, – пояснила она. – Я и вылила всё. Не надо было?

Я набрала в грудь побольше воздуха и заставила себя промолчать. Кто я такая, чтобы орать на прислугу Карпунина? Молча взяла со столика свой телефон, вернулась в спальню и позвонила Власову.

– Доброе утро, Анатолий Павлович! – рывкнула в трубку так грубо, что самой стало неприятно. – Нельзя было предупредить, что в эту квартиру домработница приходит иногда?

– Домработница? – сонно переспросил он. – Эля, сейчас пять часов утра. Какая домработница?

– Розовая, блин! Она мой настой в канализацию спустила, а в городе я такие травы для сбора не найду.

– Успокойтесь, пожалуйста, и просто пришлите мне список. В аптеке их можно купить?

– Издеваетесь? Я даже не знаю, свежие они должны быть, или сушёные тоже сойдут. Мне их Белена дала. А на поездку в деревню нам второй день подряд разрешение не дадут.

– Это срочно?

– Да! Вопрос жизни и смерти!

– Я сейчас приеду.

– Не надо никуда приезжать! Сама разберусь.

– Элеонора Але...

Я завершила вызов, бросила телефон на кровать, сжала кулаки и от души выругалась. Ну вот что за люди? Уже даже отравы спокойно нахлебаться нельзя.

– Плевать я хотела на ваши подписки, следствия и всё остальное, – приняла я решение. – Нефёд, мы домой едем. В деревню.

Во дворе в большом чёрном внедорожнике дежурили ребята, приставленные ко мне в качестве охраны Власовым. Наш вчерашний «хвост» я в пределах видимости не обнаружила, поэтому просто села за руль своей васильковой «десятки» и поехала туда, куда собиралась, ни перед кем не отчитавшись в своих действиях и намерениях. Внедорожник выехал следом. В шестом часу утра на городских улицах машин мало, можно передвигаться с нормальной скоростью, и я наслаждалась свободой, лишь изредка поглядывая в зеркало на машину своих преследователей. «Ну и пусть едут. Попрошу лешего, чтобы он их по лесу заблудил, а Белена меня от посторонних глаз спрячет, пока весь этот идиотизм не закончится», – думала я, выезжая из города на трассу. Бензина полный бак – можно не останавливаться. Красота!

Когда мы свернули в сторону Вывинска и въехали на мост над рекой, на пассажирском сиденье под мягким тельцем Нефёда зажужжал телефон. От неожиданности домовая подпрыг-

нул и испуганно вцепился в мою голову. Я дёрнулась, резко вывернув руль вправо. Почувствовала удар, услышала грохот, поняла, что падаю, и... проснулась.

– Белена сказала, что тебе нужен вещий сон, – виновато заглянул мне в глаза Нефёд и прижал уши. – Кошмар что ли получился?

Я нащупала рукой кнопку на светильнике, включила свет и уставилась в потолок, прислушиваясь к гулким ударам сердца в своей груди. Ничего себе сон!

– Принеси телефон, – попросила домового, когда вернулся дар речи.

Часы на экранчике показывали пятнадцать минут первого – ночь на дворе, я в постели, ничего не случилось. Отдала Нефёду оставшиеся шоколадки, а сама слопала ведёрко мороженого. Потом постояла немного под контрастным душем, окончательно пришла в себя и попробовала снова заснуть.

– Так сон ещё нужен или нет? – осторожно уточнил домовый, озадаченный моим поведением.

– Нужен, – ответила я, не раздумывая.

Этот сон тоже был кошмаром, начало которого точь-в-точь повторяло то, что я уже видела. Телефон не звонил, мост я проехала успешно, но потом на дорогу выскочила лисица, и моя машина в результате неудачного манёвра вылетела на встречную полосу. И третий сон закончился автокатастрофой, и четвёртый...

– Почему они все про один и тот же день, – нервно спросила я у Нефёда, чувствуя, что скатываюсь в истерику.

– Не знаю, – честно признался домовый. – Я просто мурлычу, а ты видишь сны.

Мне стало по-настоящему страшно. Я хотела узнать через вещий сон, не ошиблась ли Белена насчёт ребёнка, но почему-то видела собственную смерть. За руль садиться мне нельзя – это факт. Все происшествия случились за поворотом на Вырвинск, поэтому выезжать за город тоже нежелательно. И домработница ещё эта... Если она не выльет настой, мне вообще никуда не надо будет ехать.

«Не приходи. Не приходи. Не приходи...» – мысленно твердила я, глядя через окно на светлеющее на востоке небо и пытаясь залить в себя десятую по счёту чашку сладкого кофе. Вкусняшки закончились, снимать стресс было нечем, а к пяти часам утра ещё и голова разболелась. Когда со стороны входной двери донёсся звук открывающегося замка, меня прошибло холодным потом, но в квартиру вошёл Власов, а не домработница.

– Эля, вы почему не спите? – нахмурился он, окинув меня с ног до головы взволнованным взглядом. – С вами всё в порядке?

– Нет, – честно призналась я и глупо хихикнула. – Я схожу с ума.

– Ей кошмары снятся, – просветил визитёра Нефёд и пожаловался: – Всё сладкое уже съела.

Власов заглянул в морозилку, нахмурился ещё сильнее, потрогал мой лоб, подхватил меня на руки и отнёс в постель. Через минуту в моей подмышке оказался термометр, а ещё через три минуты меня заставили выпить лекарство от температуры.

– Я не заболела, – уверенно сообщила я Анатолию Павловичу, когда он вознамерился ещё и мокрую тряпку с уксусом мне на лоб положить.

– Ну да, – согласился он. – Вряд ли температуру тридцать девять градусов можно считать признаком болезни. Мороженого ещё купить?

«Точно. Мороженое. Я же его два ведра по полкило съела. Завтра разговаривать не смогу из-за ангины», – поняла я причину своего неожиданного недомогания, но признаваться в этом Власову не собиралась.

– Вы зачем приехали в такую рань? – поинтересовалась воинственно, всё же позволив сделать мне холодный компресс.

– Мне было беспокойно, – пожал он плечами, присел на край постели, вздохнул, помолчал немного и признался: – Я не понимаю, что со мной творится.

– Не надо, – попросила я умоляюще.

– Не буду, – пообещал он. – Спи.

Я широко зевнула, сонно сомкнула веки и попросила:

– Не разрешайте домработнице трогать кастрюлю с настоем.

– Какой домработнице? – прозвучал полный непонимания вопрос.

– Пенсионерке Валентине с розовыми волосами, – пробормотала я, проваливаясь в сон.

Это был хороший сон – тёплый, спокойный уютный. Я шла босиком по летнему лесу, а над головой громко пели птицы и шелестела листва. Ветра не было, а она всё шелестела и шелестела, как...

– Вода! Власов, нет!

Я вылетела из спальни со скоростью ураганного ветра и с ужасом уставилась на пустую кастрюлю в руках Анатолия Павловича. Вот тебе и домработница! Следовало после первой истории с вещим сном запомнить, что детали таких сновидений имеют свойство отличаться от реальности.

– Что? – растерялся Власов. – Я просто кастрюлю помыл. Варёво твоё в банку перелил и в холодильник убрал, чтобы не испортилось.

– Перелил? – переспросила я с истеричными нотками в голосе. – Не вылил?

Он снова потрогал мой лоб, а потом отправил меня обратно в постель с угрозой вызвать утром врача, если я не угомонюсь. Я угомонилась. Если настой никуда не делся, значит, и ехать за новыми травами не придётся, поэтому можно весь день проваляться под одеялом во избежание ужасов, предсказанных вещими снами.

* * *

– Там Серебрянский подключился, так что можно считать, что дело уже закрыто.

– На утопленника всё повесят?

– Ну да. Он же в розыске был за убийство. Отморозок полный. Художник, блин.

– А откуда сведения?

– С места жительства. На него вторая жена заявку накатала. Нашла в студии бабу мёртвую, с которой этот урод портреты писал.

– Эля уверена, что он на Артура работал. Она следаку так и сказала.

– А кто её вообще просил со следаками общаться? Я же русским языком тебе велел держать её подальше от этого всего. От неё на каждом шагу одни только проблемы.

– Мирон Олегович, вы не правы. Проблемы начались сразу же, как только вы начали ставить брату палки в колёса. Участие этой девочки в ваших распрях стало просто катализатором, ускорившим события.

– То есть это я во всём виноват, да?

– Не обобщайте, пожалуйста. Я вам уже столько раз советовал оставить Артура в покое, что со счёта сбился. Не мешайте ему. Ваши усилия его только раздражают, а страдают от этого посторонние люди. У вас бизнес, скоро будет своя семья. Если будете и дальше продолжать в том же духе, ничем хорошим это не закончится.

– Я не буду продолжать, мне хватило. Когда Эля получит паспорт?

– Завтра.

– Хорошо. купишь ей билет, посадишь в поезд, и пусть катится отсюда подальше, чтоб глаза мои никогда больше её не видели.

– Мне казалось, что она вам нравится...

– И что? Предложить ей должность любовницы? Если я откажусь от Алисы, то потеряю инвестиции Озёркина и треть компании. А потом Алиса Элю из чувства оскорблённого досто-

инства собственноручно живьём закопает. Нет уж. Пусть хотя бы у неё будет нормальная жизнь в безопасном отдалении от гадюшника моей семьи. Лечи её и гони отсюда любыми способами. Чем дальше, тем лучше. Дом ей у моря купи, если захочет. В деньгах я тебя не ограничиваю. Всё, пока. У меня встреча на двенадцать назначена, уже опаздываю.

– Удачи...

Я слышала, как за Мироном закрылась входная дверь. Одновременно с этим звуком внутри меня что-то оборвалось, и на смену ярким чувствам пришла пустота. Я ему нравлюсь, но мы не можем быть вместе, потому что Карпунин уже подсчитал вероятные потери. Он женится на стервозной Алисе не по любви, а из-за инвестиций. А его отношение ко мне... Оно его раздражает. Бороться за любовь и счастье? С кем бороться? С любимым человеком, который уже всё решил за нас обоих?

– Слышала? – шёпотом осведомился Нефёд и заглянул мне в лицо. – Неблагодарный какой человек, а! Ты ради него вон чего, а он тебя подальше...

– Тише ты, балбес, – шепнула ему я и притворилась спящей, потому что в спальню заглянул Власов.

Судя по самочувствию, последствия ночного злоупотребления мороженым ограничились только резким повышением температуры. Горло не болело, голова тоже была ясной, и даже тело не ломило, как обычно бывает после лихорадки. Власов пощупал мой лоб, постоял немного рядом с кроватью, а потом тоже ушёл, оставив меня на попечение домового. Я после его ухода долго лежала, смотрела в потолок и думала о том, как распорядиться своей жизнью.

Во-первых, никуда уезжать я не собиралась. В Лесном меня и сейчас могут от всех бед защитить верные друзья, а когда вернётся колдовская сила, любой, кто вздумает мне вредить, очень сильно об этом пожалеет. Хватит, наигрались. Я не бездушная кукла, чтобы кто-то за меня решал, где и как мне жить. Во-вторых, никакие деньги и возможности Карпунина мне больше не нужны. У меня всё есть – и ноутбук для работы, и машина, чтобы доехать от деревни куда-нибудь, где водится нормальный Интернет. Получу паспорт, а потом пусть все сами катятся куда подальше. Не маленькая девочка, сама могу остальные документы поменять. И в-третьих, у меня есть гордость. Я не хочу и не буду бороться за внимание человека, у которого деньги стоят на первом месте. Не могу сказать, что Мирон плохой – мы просто разные. Ломать его привычную жизнь и систему ценностей ради того, чтобы потом на этих руинах строить собственное счастье? Нет, я так не хочу.

Вещие сны нужно уметь правильно толковать, потому что они состоят из реальности, образов и метафор. Власов возится со мной, заботится, но он подчиняется Мирону – вот тебе и приходящая домработница, которой платят за услуги. Моё желание во что бы то ни стало добраться до Лесного и набрать нужных трав именно там, хотя их в любом пригородном лесу можно найти – это мои чувства к Карпунину. Я люблю его, стремлюсь быть рядом с ним, готова спасти его от любых бед даже ценой своей жизни. Это путь в никуда, на котором меня преследуют недруги – те самые, которых я постоянно видела в чёрном внедорожнике. Возле подъезда никогда не было такой машины, потому что она слишком приметная. А автокатастрофа... Она уже случилась. Моя любовь разбилась вдребезги о стену Карпунинских амбиций и жизненных принципов. Сколько бы я ни старалась, финал не изменится. Варианты дальнейшего развития событий могут быть разными, но итог всё равно останется тем же – любовь умрёт. Но жизнь-то на этом не закончится.

– Брысь! – велела я домовому, встала с постели и пошла в кухню. Взяла из холодильника банку с мутноватым коричневым настоем и вылила всё в унитаз.

Я ведьма. Я спасла от смерти трёх мужиков, а себя и своего ребёнка не спасу что ли? Лазейка наверняка есть, нужно только её найти. А Карпунин пусть женится на своих инвестициях и катится к чёрту. Он не единственный, кого можно любить. И уж точно не последний в этом мире человек, способный полюбить меня.

Глава 54. Ветер перемен

Власов позвонил вечером, справился о моём самочувствии и на всякий случай переспросил, не обманываю ли я его. Пообещал подъехать утром к одиннадцати, чтобы свозить меня за паспортом. К этому времени все мои вещи были собраны, недовольный необходимостью куда-то ехать Нефёд хорошенько накормлен, а я – одета и полностью готова к началу нового этапа своего жизненного пути.

– Вы куда-то собираетесь? – хмуро осведомился Анатолий Павлович, споткнувшись в прихожей о пакет с моей одеждой.

– В Лесное, – прямо ответила я. – Из этой квартиры выпишусь сразу же, как только решу проблему с новым жильём, если, конечно, Мирон Олегович не возражает.

Он посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом и всё понял.

– Вы слышали наш разговор.

– Не весь, но распоряжение относительно моей судьбы расслышала отчётливо, – призналась я. – Деньги Мирона мне не нужны, на билеты тоже тратиться не придётся. Я и за паспортом вполне могла съездить без вас, но это было бы с моей стороны свинством. Вы много для меня сделали, а я умею быть благодарной.

– Если хотите за что-то отблагодарить, то для начала перестаньте капризничать, – попытался он меня вразумить.

– Я не капризничаяю, – возразила я. – Просто ухожу с гордо поднятой головой, не дожидаясь пинка под зад. Разборки братьев Карпуниных мне больше не интересны, я из-за них и так уже вляпалась в неприятности по самые уши. Поживу у Никулиных и присмотрю за Клавдией Ильиничной, Борис только рад этому будет.

– А подписка?

– Объясню следователю, что за старушкой некому ухаживать. Ему какая разница, где я живу? Я же сбегать и прятаться не собираюсь.

Такой поворот дел Власова не особенно устраивал, поскольку Мирон наверняка спросит с него, почему я в Лесном, а не у чёрта на куличках. Ну и пусть. Мне-то до этого какое дело? Я даже отчитываться перед ними о своих намерениях не обязана. Получила паспорт, провела в больнице Бориса, получила у следователя разрешение на проживание в Лесном, после чего вернулась за вещами и Нефёдом и попросила у Власова не присылать никого следить за мной.

– Вы же понимаете, что не будете там в безопасности, – предпринял он последнюю попытку меня отговорить.

– Вот как раз там для меня самое безопасное место, – возразила я. – Провожать не надо, сама доберусь. Спасибо вам за всё, Анатолий Павлович. Вы, наверное, единственный во всём этом серпентарии человек, от которого я видела только добро и заботу.

Он даже не сказал в ответ, что Мирон тоже заботился обо мне. У Карпунина весьма приземлённое понятие о таких вещах – дать денег, обеспечить всем необходимым, приставить охрану. А когда дело доходит до искренности, он голову в песок прячет, как страус, потому что боится открыть для кого-то свою душу. Тайны, недосказанность, ложь, коварство... Мне и правда нет места в таком мире. Моё место – в лесу.

* * *

Баба Шура уехала из Лесного днём раньше и оставила ключ от своего дома Петру Семёновичу, к которому сбежала моя Фрося, потому что у старика есть конь, а у коня – хвост и грива.

– Да пусть кикимора там остаётся, если ей так нравится, – высказала я своё мнение по этому поводу, помогая Клавдии Ильиничне встать, чтобы Белена могла перестелить постель.

Неизвестно, сколько на самом деле лет было отпущено старушке судьбой, но навёрстывала оттянутое она очень быстро. С утра, например, зачем-то пошла в лес, а дорогу домой забыла. Её там, конечно, никто не обижал, но всё равно страшно – уйдёт так за мост, и где её потом искать? В пределах урочища хотя бы нежить помогает присматривать за бедолагой. Но сильнее всего меня беспокоило то, что Борис не видел её такой. Когда он попал в больницу, его мать шустро бегала по деревне и окрестным лесам, выглядела на семьдесят и в остальном тоже не соответствовала своему возрасту, а в нынешней одряхлевшей старухе Никулин мог Клавдию Ильиничну и не узнать.

– Боюсь, права ты была, – призналась Белена после того, как мы совместными усилиями уложили бабулю обратно в постель и вышли во двор. – Не протянет она долго. Слишком быстро старость её гнёт, будто торопится куда. Осенью хоронить будем.

Жалко, меры нет. А что делать? Не идти же опять против природы с помощью целебной воды – это ведь только отсрочка неизбежного, лучше всё равно уже не будет. Белена и так колдовство целительское использует, чтобы Клавдия Ильинична от стремительно развивающихся старческих хворей не слегла окончательно. С другой стороны – для чего природа создала целебную воду, если не для исцеления?

На этот мой вопрос хозяйка волшебного озера ответила очередной сказкой.

– Чума здесь была. Людей тогда меньше было, чем теперь, и жили они иначе, и в других богов верили, но люди – всегда люди. В поветрия они болеют и умирают вне зависимости от времени, в котором живут, и веры. Ты не знаешь, наверное, но ночь на Ивана Купала особую колдовскую силу имеет. Примет и поверий разных много, но ведьмы и колдуны в эту ночь у природы о том просят, чего сами не могут. Мёртвое воскресить нельзя, конечно, но силу увеличить, знания тайные открыть, стихию усмирить – это возможно. А чтобы просьба услышана была, условие только одно есть – нужно всю природу одновременно до рассвета в себе удержать. Вода, огонь, земля и ветер в просителе быть должны, чтоб он равным природе стал. Простому человеку это не под силу, да и колдун не каждый сможет. Я вот не смогла ни разу, хотя пробовала. А колдун, что здесь во время чумы жил, смог. Он исцелять болезни не умел, не было у него такой власти, а селянам помочь хотел, вот и попросил у природы такую силу, чтоб чуме остановить могла. Попросить-то попросил, да неправильно желание своё высказал. Целителем не стал, поветрие не остановил, а в ответ на просьбу получил это вот озеро. Только тогда оно не озером было, а родником малым. Это позже земля на много ключей расщедрилась, потому как люди к ней с благодарностью и почтением относились. Не для продления жизни вода эта человеку дана была, а для лечения болезней страшных, ясно тебе?

Да уж куда яснее-то? А что самое важное – нужная мне лазейка сама по себе нашлась. Я ведь приехала-то пятого июля – за день до заветной ночи. Есть шанс пройти этот очередной магический квест и выпросить спасение для своего ребёнка и себя.

У Белены и на это предположение ответ нашёлся.

– Как себя спасти, я тебе уже сказала. Других способов нет. Так ты только дитё потеряешь, которое и так уже смерти принадлежит, а эдак ещё и себя угробишь. Думаешь, легко огонь в себе держать? Проглотить горсть земли и воды нахлебаться много ума не надо, а с огнём и ветром шутки плохи. Я не один ведь раз пробовала. Когда нутро горит, желание только одно остаётся – прекратить эти муки. А без силы колдовской и на сносях такое делать... Проще уж сразу в омут.

– Нет уж, пусть водяной сам у себя там ил выгребает, а я всё-таки попробую этот шанс использовать, – упёрлась я, после чего Белена весь остаток дня сокрушалась, что вообще рассказала мне об этом.

Пока я придумывала способ сделать неудобный диван в маленькой комнатке удобным, Нефёд поцапался с Никадимом из-за пристроенной позади дома баньки. Дворовой пребывал в полной уверенности, что постройка эта надворная, в связи с чем входит в его зону ответствен-

ности. Домовой настаивал на том, что раз она к дому пристроена, значит, не надворная. В итоге они подрались, Нефёд эту битву проиграл, был побит и вышвырнут за забор, а мне пришлось вмешаться и объяснить обоим, что все мы в этом доме просто гости, и здесь никому ничего не принадлежит. Нежить огорчилась, но против правды не попрёшь, поэтому им пришлось смириться со статусом временных приживал.

Я не заикалась о ренте, когда разговаривала в больнице с Борисом. Собственник-то он, а не Клавдия Ильинична. Да и даже если бы было иначе, предлагать уход за старушкой только ради того, чтобы потом дом у её наследников оттяпать – это как-то не по-человечески. Я бы помогала Никулиной в любом случае, независимо от наличия проблем с жилплощадью. Объяснила Борису просто, что Карпунин не будет больше сдавать мне свой дом, баба Шура уезжает, и присмотреть за Клавдией Ильиничной некому. «Если разрешите пожить с ней вместе...» – осторожно начала я, а он даже договорить мне не дал. Человек я добрый, душевный, хороший... Аж стыдно стало. Круто меня эта история вывернула, да. Ценности совершенно поменялись. Сейчас я бы уже не пошла работать в агентство Немигайлова ни за какую зарплату, потому что наживаться на одиноких стариках бесчестно. Я ведь даже не интересовалась никогда, достойный ли уход обеспечивается тем, кого я уговорила договоры пожизненной ренты подписать. Беспринципной была, а теперь принципы появились.

С удобствами, конечно, у Никулиных наблюдались явные проблемы. Туалет во дворе, баню топить надо, чтобы хорошенько вымыться, водопровода нет, отопление в доме печное, газ в кухне из баллона. Ну, воду из колодца мне и Никадим по ночам таскать может, это не беда, а дрова где брать? В сарае за домом имелся запас, и Белена сказала, что на зиму этого хватить должно, а при необходимости валежником у лешего разживёмся – тоже вроде бы всё решаемо. «А под естественные потребности в доме ведёрко приспособить можно, так все делают», – успокоила меня ведьма. Даже стиральная машина есть, пусть и старенькая – проживём как-нибудь, человеку свойственно приспосабливаться.

Вечером я поехала в Мухино, чтобы купить всякие мелкие нужности. Денег на карте было немного, но о пропитании ведь заботиться не надо – из Белёнкиной корзинки не только бублики доставать можно, но и деликатесы заморские тоже. Меня больше беспокоило отсутствие средства для мытья посуды и стирального порошка – Клавдия Ильинична использовала вместо них горчицу и хозяйственное мыло. Я даже тёрку в шкафу нашла, на которой она это мыло для стирки измельчала. И волнистую стиральную доску – вообще раритет. Можно было бы потратиться на покупку современной стиральной машины, но это не первая необходимость.

Стоило моей «десятке» въехать в зону действия сети сотовой связи, как телефон в сумке ожил и начал активно оповещать меня обо всём подряд. И не только меня – он сообщил кому-то, что я снова на связи, поэтому пришлось слушать ещё и мелодию входящих звонков. Я решила не отвечать – за рулём же, отвлекаться опасно. Просмотрела уведомления и сообщения только тогда, когда припарковала своё авто возле супермаркета.

Карпунин звонил несколько раз, пока я была вне зоны, и ещё два раза, когда я не ответила. А потом он прислал сообщение: «Эля, я снимаю с себя всю ответственность за последствия твоей глупости. У меня ты больше не работаешь, мне мёртвые души не нужны. Трудовую заberi, когда будешь в городе». И всё. Ни прощальных слов, ни благодарности за спасение – ничего. Он будто хотел, чтобы ощущение незавершённости заставило меня перезвонить или вступить в переписку, а мне вместо этого желания почему-то вспомнилась игрушка «йо-йо» – раскрутилась ниточка, а потом снова послушно свернулась, возвращая катушку в руку хозяйина. Фигушки, я не игрушка.

А Власов не позвонил ни разу и не написал ни слова. Не то чтобы это как-то меня задело, просто я вдруг поймала себя на мысли о том, что как-то подсознательно начала сравнивать этих двух мужчин. Мирон – расчётливый, циничный и в чём-то жестокий человек. Он не злой и не плохой, просто не умеет придерживаться собственных приоритетов и часто поступает

нелогично. Власов как-то рассказывал мне о системе ценностей Артура – сам Артур вместе со своими амбициями на первом месте, второе занимают деньги и власть, а семья задвинута в самый конец списка. Если хорошенько подумать, то Мирон мало чем отличается от брата, хотя и говорит, что люди представляют для него наивысшую ценность. Я тоже человек, но почему-то не вписалась в его систему приоритетов. Он не отрицал, что я ему нравлюсь, но при этом постоянно пытался от меня избавиться. Проявлял заботу? О ком? О себе или обо мне? Я выбила его из колеи, стала причиной для беспокойства. Интерес к моей персоне шёл вразрез с его планами на жизнь, и в итоге выбор оказался не в мою пользу. Сейчас, сняв с себя ответственность за меня, он вернул всё на свои места и мог спокойно двигаться дальше в соответствии со своими прежними планами.

Анатолий Павлович совсем другой. Он старше, мудрее, и он искренне заботится о тех, кто ему дорог. Мирон постоянно что-то недоговаривал, увиливал от прямых ответов и не хотел посвящать меня в детали и причины, а Власов обо всём говорил прямо. Если и врал, то не по собственной инициативе, а потому, что защищал интересы друга. Он мог многое, но никогда не пытался показать превосходство. Надёжный, верный, твёрдый в своих решениях. Я не могла с уверенностью сказать, почему Мирон от меня отказался, не предприняв ни единой попытки сблизиться. Он говорил одновременно и о том, что не хочет терять инвестиции будущего тестя, и о том, что Алиса может меня уничтожить. Возможно, я ошиблась на его счёт, и решение убрать меня с глаз подальше было основано на беспокойстве о моём благополучии, но ведь он даже не мне это всё сказал. Распорядился отослать – всё, решил проблему. А Власов... Власов открыто сказал, что не встанет между мной и Карпуниным. Мирон был моей вспышкой неожиданно ярких и сильных чувств, а я стала такой вспышкой для Анатолия Павловича. Он отказался от меня, потому что знал, что я люблю его друга. Прикоснулся к заветному, урвал несколько драгоценных минут близости и отошёл в сторону, чтобы не мешать.

Они разные. Совершенно разные. Любовные треугольники – это далеко не весело. Я люблю Карпунина, который сам не знает, чего хочет, но беременна от его старшего друга, который увлечён мной, но не станет вмешиваться в наши с Мироном несуществующие отношения. Как там следователь сказал? Санта-Барбара? Хуже. Ребёнок ещё этот... Ну какая из меня мать? Мне самой нянька нужна, потому что я постоянно влезаю в какие-нибудь неприятности. «Может, Белена права, и лучше сразу с этим покончить, пока не стало слишком поздно?» – подумала я, вздохнула и пошла в магазин, потому что на размышления у меня вся ночь впереди, а супермаркет закрывается в десять.

На самом деле можно было не ехать в Мухино, а затариться всем по списку в ближайшей деревне, но в деревенских магазинчиках не продаются памперсы для взрослых, а мне они были нужны. Точнее, не мне, а Клавдии Ильиничне. Перед самым моим отъездом старушке приспичило по малой нужде, но в силу стремительно развивающейся старости до уличных удобств она доковылять не успела – невелика беда, но менять памперсы проще, чем постоянно стирать исподнее. И морально для самой бабули это не так позорно, как мокрые штаны. Проще говоря, забот я на себя взвалила выше крыши, зато при деле.

В Лесное я вернулась уже затемно. Вынула из багажника пакеты, поблагодарила за помощь Никадима, который услужливо открыл мне калитку и помог донести поклажу до дома, а на пороге меня уже ждал Нефёд.

– У бабки зубы выпали, – сообщил он.

– Все? – уточнила я.

– Нет, четыре осталось. А один она проглотила. Спит теперь. А Белена к дубу ушла, там жуть какая-то происходит.

Я вздохнула, рассовала покупки по местам и тоже пошла к дубу – посмотреть, что там за жуть. Никакой жути не увидела – дерево как дерево, только ветви колышутся, хотя ветра нет.

– Не пойму я, чего ему неймётся, – пожаловалась ведьма сразу же, как только я подошла. – Слышишь, псина опять воет? Не должно так быть.

– Назар за мать волнуется, – догадалась я. – Он же опекал её, жизнь ей продлевал, а теперь чувствует отсюда, как ей плохо, вот и мается. Неправильно это всё, Белена. В прошлый раз вода в озере мёртвой стала из-за того, что вокруг твоего источника смерти много было, а ты опять на чистый родник труп уложила. И неупокоенный дух ещё к этому роднику привязала. Я, может, магии и лишилась, и чувствовать не могу сейчас, что природе нужно, но умом понимаю, что это ненормально. Дух Назара в моховика переродить можно, как я с Мишаней поступила, а тело убрать отсюда и сжечь или как-то по-другому в прах превратить.

– Он ещё наказание своё не отбыл, – возразила ведьма. – Я зачем его в дерево засунула? Чтoб вредность свою искупил, на благо леса существуя.

– А с чего ты вообще взяла, что это искупление необходимо? Для того, чтобы после смерти за прижизненные грехи спрашивать, другие инстанции существуют. Мы с тобой не боги, чтобы посмертные наказания для злодеев придумывать. Исправляй всё сейчас же. Дерево оставь, а Назара отпусти.

– Ты чересчур добрая, – упрекнула она меня.

– А ты вроде как обязана меня слушаться. Разве нет? – парировала я. – Так, как сейчас, покоя ни ему нет, ни земле, ни нам с тобой. Пусть лучше зловредным моховиком по лесу бегает, чем вот это вот всё.

– Ишь, раскомандовалась тут... – недовольно проворчала ведьма, но не ослушалась.

Я не осталась контролировать процесс, потому что на трупы насмотрелась предостаточно. Слышала только треск веток за спиной, когда возвращалась по тёмной деревенской улочке к дому Никулиных, а уже возле калитки Белена догнала меня и отчиталась, что всё сделала. Собачий вой прекратился – значит, не соврала. Проверять это я тоже не собиралась, поскольку нужно было научиться доверять хоть кому-нибудь. И на душе как-то спокойнее стало – видимо, беспокойство Назара и на мне тоже сказывалось не лучшим образом.

– Хочу красной икры, – заявила я ведьме, когда она начала вынимать из корзинки-самобранки всё для традиционного вечернего чаепития. – В магазине смотрела на баночку, но тогда не хотела, а теперь аж слюнки текут.

Ответом на это признание был долгий взгляд, после чего передо мной на столе появилась большая деревянная миска с икрой – литра полтора, не меньше.

– Прямо так есть будешь? – невозмутимо поинтересовалась Белена. – Ложкой?

Всё-таки корзинка-самобранка – это нечто. Раньше я как-то не особенно интересовалась её возможностями, а тут просто для того, чтобы отвлечься, уговорила ведьму поэкспериментировать. Работала эта волшебная штука просто – на фантазии пользователя. Уж чего-чего, а фантазии у меня было хоть отбавляй. Я накормила Белену чипсами, наггетсами, роллами и суши в разных вариантах, пиццей с ананасами... Она хоть и дух, но поесть любит. А Нефёд вообще был в полном восторге, потому что всё, что не нравилось ведьме, доставалось ему. Попкорн, например – Белена заявила, что это издевательство над кукурузой, и домовый заполучил целый таз сладко-солёного счастья. Единственное, на что корзинка не отреагировала никак – это трепанги с овощами. Во-первых, я не знала, с какими овощами это едят, а во-вторых, не имела ни малейшего представления о том, кто такое трепанг. Теоретически представляла себе нечто склизкое, но похожее на кальмара. Белена слышала о таком звере впервые, поэтому ничем мне не помогла. А я и не ела этого никогда – название просто запомнила.

Спать я легла только во втором часу ночи, понимая, что объелась. Вечернее обжорство – это плохо. Ночью плохо спится, утром желудок болит... А куда деваться? Уже ведь перестаралась, поэтому придётся терпеть. Ведьма, правда, пообещала мне утром травки какие-то полезные заварить от последствий переедания, а для крепкого сна и хороших сновидений у меня имелся Нефёд.

– Сказку? – недоверчиво переспросил он, когда услышал необычную просьбу. – Про кого?

– Да про кого угодно, только не про меня, – махнула я рукой, зевнула и устроилась на узком диване поудобнее.

Глава 55. Во имя справедливости

Сказочник из Нефёда так себе – все сказки у него какие-то грустные и страшные. То про оборотня начал рассказывать, которого ведьма крестьянам вместо новорожденного ребёнка в колыбельку подсунула, то про девочку слепую, которая в призрака влюбилась, потому что он слова красивые ей по ночам на ухо нашёптывал. Потом сказку про Колобка переиначил, заменив главного героя на сбежавшего от вредных хозяев домового. Финал, естественно, оказался счастливым, и домовый после множества опасных приключений нашёл для себя новый дом, но в целом сюжет был мне знаком.

– Ещё сказку? – удивился Нефёд, когда последняя из рассказанных им историй подошла к логическому завершению. – Ты спать-то собираешься? Светает уже.

Я бы и рада была заснуть, но мешали мысли о том, что следующая ночь будет для меня не очень приятной. Белена наотрез отказалась подробно рассказать про испытание, которое нужно пройти, чтобы природа сложную просьбу выполнила. Колдовской силы у меня нет, поэтому я даже зажечь внутри себя огонь не смогу, не то что его удержать, поэтому тему ведьма закрыла быстро. А я твёрдо вознамерилась попытаться. В знаниях Марфы, которые мне достались, ничего такого не обнаружилось, поэтому выход остался только один – рыться в памяти земли и искать там воспоминания о попытках Белены и других колдунов или ведьм.

Искомое нашлось не сразу и оказалось расплывчатым, поскольку подобными экспериментами уже давно никто не занимался. Съесть горсть земли, напиться из родника, вдохнуть ветер и не дышать до рассвета, одновременно поддерживая внутри себя хотя бы крошечный огонёк настоящего пламени. Это невозможно. Нельзя задержать дыхание на несколько часов. Магией можно заставить огонь гореть и в воде, но у меня-то магии нет. Все четыре стихии должны быть в теле просителя одновременно, иначе природа просьбу не услышит – как это выполнить?

Сказки Нефёда я слушала вполуха, но думала о своём. На рассвете встала, оделась, велела домовому присмотреть за Клавдией Ильиничной, а сама пошла в лес искать ответы. Не то чтобы я с какой-то конкретной целью туда шла, просто захотелось прогуляться босиком по росе, подышать утренней прохладой и подставить лицо первым лучам солнца.

Перевёртыши этому моему желанию обрадовались несказанно. Примчались на зов пушистыми рыжими лисичками, облизали меня с ног до головы и с весёлыми играми проводили к берегу реки, где я долго лежала на влажной траве в надежде вернуть хотя бы часть утраченной магии. Ничего не вернула, зато земля показала мне всё, что творится в моём лесу. В лагере тихо – сторож спит, и сытый старый пёс тоже мирно дремлет в новенькой будке. В охотхозяйстве гости – не охотники, а рыбаки. Они приехали в надежде на богатый улов в оставленных без присмотра рыбхозовских прудах. В северо-западной части моего леса на берегу другого рукава реки разбили палаточный лагерь туристы. Там есть несколько ухоженных стоянок, и люди просто приехали отдохнуть на природе с детьми. Вдоль дорог стоят машины, а по лесу в большом количестве под бдительным присмотром моховиков и лесавок бродят грибники – после дождей подберёзовиков и правда вылезло навалом, поэтому я просто пожелала гостям удачной тихой охоты. Всё тихо и спокойно. Лес живёт своей жизнью, вредного колдовства больше нет, в природе наконец-то наступило умиротворение. А если так, то и я тоже довольна достигнутым результатом.

Ранним утром вода в реке кажется тёплой, потому что воздух прохладный, но меня это не остановило – разделась, дошла до середины русла... Там воды по пояс, можно запросто на другой берег перейти без особых усилий. Легла, раскинула руки в стороны и позволила течению нести меня дальше – туда, где глубже, и можно поплавать в своё удовольствие. Такое место было только у омута, где жил водяной, но его присутствие меня не беспокоило – не

утащит же на дно насильно. Он и не утащил. Наоборот даже – заволновался, что я утону или простужусь, и начал незаметно к берегу меня течением подталкивать. Эта ненавязчивая забота выглядела так трогательно, что я чуть не прослезилась. Приятно, чёрт возьми. Меня любят. И перевертыши услужливо приволокли мою одежду к омуту, где я на берег выбралась. Мой лес. Мои друзья. Моя новая жизнь. Стоит ли рисковать всем этим ради сомнительных магических экспериментов и ребёнка, который уже в момент зачатия принадлежал смерти, а не мне? А если всё не так уж и плохо, как говорит Белена? Вдруг природа и без всяких испытаний мне поможет – просто из благодарности?

Мечтать, конечно, не вредно, и рассчитывать на авось было бы верхом самонадеянности. Природа и так уже спасла меня от смерти. И не только меня. Она изменила своё решение, вернув один из источников, пусть он и скрыт теперь так, что его никто не найдёт. Она вернула силу полюбившейся мне нежити. Жадность ещё никого до добра не доводила, и ждать других ценных подарков за единственную услугу – это как-то странно. «Чего я вообще волнуюсь-то? Аборты ещё никто не отменял, их до двенадцати недель делают, так что времени у меня полно. Колдовская сила раньше должна вернуться, вот тогда сама оценю ситуацию со всех сторон и буду что-то решать», – пришла я к успокоительному умозаключению и отправилась домой.

Домой... Нет у меня дома. Я гостя. Да ещё и нахлебница. Если бы не корзинка Белены, пришлось бы на еду свои деньги тратить, а их надолго не хватит. Не прохлаждаться надо, а работу искать. И врача Клавдии Ильиничне вызвать хотя бы для консультации – с меня ведь спрос будет, если старушка загнётся.

– Нефёд, я в Мухино поеду, а ты тут за старшего остаёшься, – сообщила я домовому после того, как закончила утреннюю гигиену своей подопечной и накормила её молочной кашей. – Если что не так, сразу Белену зовите. Постараюсь не задерживаться.

А ведьма уже тут как тут, причём с допросом – куда это я собралась, зачем мне работа, если и так всё есть, и так далее в том же духе. Следующий час был потрачен на бессмысленные споры. Белене не надо ничего, она – дух. А я живой, современный человек. Она наотрез отказывалась понимать, зачем старухе доктор, если мы превосходно со всеми проблемами можем справиться с помощью трав. А новость о том, что в случае смерти старушки мне ещё и перед полицией отчитываться придётся, вообще повергла ведьму в крайнюю степень недоумения. Она отстала от реальности на триста лет, ей простительно, но это ведь не означает, что и я могу ничего не делать.

Стоило мне разобраться с этим затянувшимся спором, как нарисовалась новая проблема в виде улыбающегося и донельзя довольного собой Костика.

– Оленева! – удивился он, увидев меня возле машины. – А ты какого хрена здесь забыла?

Невежливо. Неприятно. И я уже не Оленева, а Климова. Пришлось отложить поездку в город ещё на какое-то время, поскольку бывшему коллеге жёстко свербило в одном месте от желания похвастаться повышением в должности и новыми достижениями. К Лесному у Константина был не праздный интерес – Мирон Карпунин отказался от всей недвижимости в пользу брата, и теперь нужно было переоформить всё скупленное им имущество на агентство Немигайлова, чтобы позже Артур мог забрать эту землю себе. Костя всегда всё делал оперативно и качественно. Позавчера Мирон озвучил своё решение не продолжать то, что начал, а уже сегодня в Лесное нагрянул ушлый юрист.

– У меня генеральная доверенность, – похвастался Константин. – Новый владелец распорядился все дома снести к чертям собачьим, а участки расчистить и объединить.

– Морда у него не треснет? – кисло поинтересовалась я. – У пятого и шестнадцатого дома хозяева есть, а по одиннадцатому наследники ещё в права не вступили. Здесь вообще-то люди живут, это не пустырь.

– Какие люди? – усмехнулся Костя. – По одиннадцатому предварительная сделка-обязательство, и у Карпунина было разрешение от наследников на снос построек. По пятому я хозяев найду быстро, ты меня знаешь. А по этому дому... На вот, смотри, если не веришь.

Он взял из салона своего автомобиля толстенную папку с документами, перелистал файлы в ней и сунул мне в руки договор купли-продажи, составленный и зарегистрированный вчерашним числом. Борис Никулин продал дом агентству, но с обременением – покупатель согласен с тем, что Клавдия Ильинична Никулина сохраняет право проживания и пользования жилым домом.

– Я же вчера в обед с ним разговаривала, он не собирался ничего продавать, – растерялась я, обратив внимание на скромную сумму сделки всего в триста тысяч рублей.

– Там одного нолика не хватает, – ухмыльнулся Константин. – Видимо, три миллиона за эту рухлядь оказались убедительнее, чем ты со своим альтруизмом. Свозили вечером дедулю в МФЦ, ускорили регистрацию... Оленева, я же предупреждал, что не надо мне палки в колёса ставить. Собирай свои манатки и вали отсюда, если не хочешь проблем. Со старухой я как-нибудь сам разберусь, не переживай. Ей и так уже на кладбище прогулы ставят, так что...

Я влепила ему пощёчину с такой силой, что отбила себе ладонь. Погорячилась, да, но меня так взбесила его наглость, что было как-то не до самоконтроля. Костя в долгу не остался – сгрёб в кулак блузку у меня на груди и потянул вверх, сверкая ненавидящим взглядом.

«Хрясь!» – хрустнула кость у него в запястье.

– Ты что творишь, ирод? – подросла Белена и огрела моего обидчика по башке первым, что подвернулось под руку.

Она ведьма – могла бы и без подручных средств обойтись, но, судя по всему, не подумала об этом. Под руку ей, кстати, подвернулась маленькая древняя наковаленка, которую Клавдия Ильинична использовала в качестве гнёта в объёмной кастрюле с недавно засоленными грибами. Хорошо ещё, что не со всей дури приложила, а то такой штуковиной и убить можно запросто. Костя обмяк и рухнул к моим ногам.

– Вот исцеляй его теперь, зови Фросю, и постарайтесь выпроводить этого козла отсюда так, чтобы он дорогу в Лесное больше никогда не нашёл, – приказала я, подняла с земли упавшую папку, бросила её в свою машину, села за руль и поехала не в Мухино, а в областную больницу к Борису – выяснять, как он мог так бездумно отдать свою пожилую мать на растерзание прихвостней Карпунина-старшего.

Как только выехала в зону действия сети сотовой связи, попыталась дозвониться Власову, но он не ответил. Общаться с Мироном у меня не было ни малейшего желания, хотя он-то на самом деле ни в чём не виноват. Его интерес к противостоянию брату был не совсем естественным – с подачи Назара кикимора нащёптывала бедолаге много чего, а после моего кладбищенского ритуала все эти шепотки утратили свою силу, и теперь Карпунин в принятии решений руководствовался исключительно своим умом. Раньше он действовал нелогично. Сейчас поступил правильно, но не учёл последствия. Претензии у меня имелись только к Артуру, для которого чужая жизнь никогда и гроша ломаного не стоила.

В этот раз Борис не был рад моему визиту. Он смотрел на меня хмуро и виновато, а на вопрос о сделке ответил, что у него есть семья. Всё встало на свои места – его банально запугали и наверняка пообещали, что согласие сотрудничать всем пойдёт на пользу, в том числе и проживающей в доме старушке.

Из больницы я поехала в Вырвинск – в агентство. Ещё раз попробовала позвонить Анатолию Павловичу, поскольку на поддержку могла рассчитывать только от него, но снова потратила время впустую. Пришлось действовать самостоятельно.

Немигайлов всё ещё сидел на больничном со сломанной ногой, а его обязанности исполняла менеджер по работе с персоналом – женщина душевная, но с принципами.

– Марфа! – обрадовалась она моему появлению. – А мы только вчера с Костей о тебе говорили.

– Обсуждали, какая я неудачница, а он молодец? – сухо поинтересовалась я. – Вы в курсе, что он клиентов запугивает? И я не Марфа, а Элеонора, хотя вам ошибаться на этот счёт простительно.

Душевная женщина перестала улыбаться и напустила на себя директорскую важность.

– Не знаю, о каком запугивании ты говоришь, но это полный бред, – уверенно заявила она. – Никулин подписал договор добровольно.

– Мои подозрения были бы полным бредом, если бы вы только что не назвали фамилию клиента, о котором шла речь, – заметила я. – Я хочу выкупить этот дом. Сегодня. Двойной подачей документов на регистрацию. Сначала подписываем договор, полностью указываем в нём сумму сделки и прописываем задаток в размере шестьдесят тысяч рублей. Никаких ускорений, пусть все сроки будут стандартными. Как только сделка будет зарегистрирована, я выплачу вам остаток суммы, и мы подпишем передаточный акт, по которому зарегистрируют переход права собственности. Это долго, но законно.

– Это невозможно, – возразила кадровичка. – Ты знаешь, что мы не заключаем сделки с отсрочкой платежей.

– А если я готова выплатить всю сумму сразу?

Её лицо и шея покрылись багровыми пятнами.

– Нет.

– Почему? Вы же только что дали понять, что сделка может состояться при условии немедленного полного расчёта. Как думаете, если я сейчас позвоню в ОБЭП, ваша бухгалтерия сможет предоставить хотя бы платёжные поручения по вчерашним договорам, где сказано, что все расчёты между продавцом и покупателем произведены полностью? Никулин, например, свои триста тысяч до сих пор не получил, а уточнить причину побоится из-за того, что доверенное лицо агентства угрожало его семье. Я не сомневаюсь, что Мирон Карпунин прикроет ваши задницы по другим сделкам, потому что ему плевать на деньги, но этот-то договор не с ним заключался. И у служителей Закона наверняка возникнет вопрос, как это вам удалось за один день столько всего зарегистрировать. Вечером, в нерабочее время... Тут, наверное, уже не ОБЭП даже заинтересуется, а отдел по борьбе с коррупцией.

– Я сейчас охрану вызову, – сдавленно пригрозила мне добрая женщина.

– А я уже сама ухожу, – пожала я плечами и добавила: – В прокуратуру.

Она не стала меня останавливать, но после того, как за моей спиной закрылась дверь кабинета, ИО директора сделала один телефонный звонок – Немигайлову. Мне было неинтересно, о чём разговор, потому что я своей цели достигла. Разворошила змеиное гнездо, заставила гадюк нервничать и суетиться – всё так, как и задумано. Осталось только посетить прокуратуру, потому что моего юридического опыта не хватало на то, чтобы разобраться в подведомственности и прочих тонкостях. Но! Немигайлов наверняка доложит Артуру о моих намерениях, и до диалога с прокурором я могу не дожить, поэтому конечным пунктом этого опасного путешествия по лезвию ножа стало областное следственное управление. А что? Для бешеной собаки семь вёрст – не крюк. Может, мне нравится мотаться туда-сюда между Вырвинском и столицей нашего расчудесного региона.

– Опять вы? – скривился следователь, только вчера отпустивший меня в Лесное. – Марфа Але...

– Элеонора Алексеевна, – поправила его я. – Простите за назойливость, но я просто не знаю, куда мне обратиться за помощью.

* * *

Любовь любовью, но слишком уж легко Мирон отказался от своего намерения защищать беспомощных стариков в Лесном. Я так поступать не собиралась. Пётр Семёнович хоть и вредина, но это не значит, что его можно просто так крыши над головой лишить. А Клавдия Ильинична вообще Божий одуванчик, особенно когда спит зубами к стенке. У неё теперь даже зубов, кстати, нет. Кто за одиноких пенсионеров заступится?

Умные дядьки в погонах и без таковых слушали меня долго и очень внимательно. Я выложила им тонны информации о незаконных деяниях агентства, в котором раньше работала. Чему-то можно было легко найти доказательства, что-то требовало времени и усилий для проверки озвученных мной сведений, но желаемого я достигла – и бывшего работодателя сдала с потрохами, и Карпунину в Карму плюнула. Обоим Карпуниным. К Мирону после моих откровений тоже наверняка появятся неприятные вопросы, но в этом случае мне его было нисколько не жаль. Сам виноват. Знал же, что Артур проедется по Лесному на асфальтовом катке, под которым погибнет всё живое, что там есть, включая последних двух жителей. Трус. За свою шкуру после пережитого испугался, а о других не подумал. И что я только в нём нашла? Любовь зла, да.

Когда один шибко умный майор в ходе беседы изволил усомниться в моём бескорыстии, я заявила, что люди разучились видеть в людях людей. Прямо так и сказала. И ещё поинтересовалась, нет ли среди присутствующих умников желающих менять столетней старушке подгузники в лесу, где даже «скорую» вызвать проблематично. Её нельзя сдать в дом престарелых – у неё фобия. Кому-то же должно быть не всё равно, так почему не мне? Сын в больнице, внуки туда ехать не хотят. На кого её оставить? На соседа, которому тоже уже за восемьдесят перевалило? Да и плевать я хотела на подозрения в мой адрес. Я о помощи просить пришла, а не оправдываться.

Длилось это всё часа три, после чего мне пообещали во всём разобраться и виновных наказать по всей строгости в соответствии с их деяниями.

– Спасибо, – раздражённо и устало поблагодарила я защитников правопорядка. – Всё? Я могу идти?

– А вас никто и не вправе задерживать, – вымученно улыбнулся мне мой следователь. – С вас все обвинения сняты, а меры пресечения отменены.

– А Власов? – уточнила я.

– А Власов ваш теперь главный подозреваемый. В деле появились новые улики, поэтому пришлось взять его под арест.

– Вы издеваетесь? – не поверила я своим ушам. – Власов за Мирона собственную жизнь отдать готов. Не знаю, какие у вас там улики, но это бред.

– Следствие разберётся, Марфа Алексеевна. До свидания, – попрощался со мной следователь и предусмотрительно удрал в свой кабинет, чувствуя, что желания спорить во мне за прошедшие часы не убавилось.

– Разберутся они... Злыдни! – проворчала я себе под нос, покидая следственное управление.

Посмотрела на часы и поехала в страховую компанию узнавать, как можно оформить медицинский полис на невыездную древнюю бабулю. В Лесное вернулась ещё засветло и обнаружила, что все предпринятые мной за день усилия были напрасными – Клавдия Ильинична умерла.

Глава 56. Всё будет хорошо

Если человек никогда не обращался в поликлинику, не имел медицинского полиса, то даже столетний возраст не является причиной для получения справки о смерти без установления причин. К тому же, я сама сказала участковому, что не знаю, почему Клавдия Ильинична умерла. Утром, когда я уезжала, с ней всё было в порядке. Он упрекнул меня в том, что я уделяла недостаточно внимания пожилому человеку, нуждающемуся в уходе, и сообщил, что тело можно будет захоронить после экспертизы.

Опять я виновата. Я взвалила на себя ответственность, но не справилась. Хорошо ещё, что Фрося успела нашептать Семёнычу о том, как его соседка болела, но наотрез отказывалась обращаться к докторам и лечилась травами. Неприятная ситуация. И старушку жалко. А ещё я постоянно вспоминала о том, как всего неделю назад Клавдия Ильинична бойко орудовала лопатой и штакетиной от забора, пытаясь победить невесту Мирона Карпунина. Если Алиса и сюда влезет, у меня опять начнутся проблемы – ведь это я била себя пяткой в грудь, доказывая всему миру готовность до последнего заботиться о страждущих. И вот итог моей заботы – человека нет.

– Я вот что думаю... – подала голос Белена, пытаясь отвлечь меня от мрачных мыслей. – Может, Назар не случайно две недели давал тебе на то, чтоб ты ему путь к трясине открыла? И бесновался ещё после смерти. Домовой ведь и ему тоже сны вещие показывал. Может, знал колдун, что матери срок подошёл, и хотел сам землю исцелить, чтобы в благодарность отсрочку для Клавдии получить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.